

ОЛИМПИЙСКОЕ МОЛЧАНИЕ

Сергей Прокофьев, 40 лет спустя

Андрей ЗОЛОТОВ, заслуженный деятель искусств России, «Известия»

Высокий черный обелиск, выполненный из благородного камня в традиции старинных придорожных знаков, уже давно стоит в кругу двух высоченных берез за оградой московского кладбища, что у стен Новодевичьего монастыря. Совсем близко надгробия Скрябина и Танеева, беломраморная скульптура в рост Федора Ивановича Шаляпина, принокшшее к земле гранитное «крыло фортепьяно» — Генрих Нейгауз и Станислав Нейгауз...

На обелиске нет слова «композитор». Нет и других «поясняющих», или «удостоверяющих», «напоминающих» слов. Только: СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВИЧ ПРОКОФЬЕВ. И даты жизни: 1891—1953.

Имеющий уши — да слышит. Слышит и видит. Видит — и сознает сердцем.

Чтобы «увидеть» Прокофьева, надо теперь отправиться в другую Москву, в Токмаков переулок близ Елоховского собора. Там перед новым эффектным зданием музыкальной школы имени Прокофьева установлен недавно памятник композитору работы Думянина. В Москве, если не ошибаюсь, только два памятника отечественным композиторам — Чайковскому (работы Мухиной) и Прокофьеву, чья музыка — прозрение, ставшее алмазной плотью искусства в XX столетии.

Творцы истинного — великие творцы — при жизни своей до смерти и при жизни после смерти существуют равно значительно, с тем непостижимым порою достоинством, которое воспринимается тайной. Но если всмотреться, прислушаться, перевоплотиться и ощутить сопричастность с другой жизнью, то вся «непонятность» откровенно вдруг естественной, неповторимой необходимостью в действиях, поступках, переживаниях реального и воображаемого исторического современника. Здесь приходит мысль о длящейся вечно природной и духовной данности. И живое ощущение такой данности.

Сергей Прокофьев прошел уже путь, равный столетию от дня своего рождения. И путь в сорок лет со дня своей кончины в марте 1953-го. Ему не было 62 лет. Он скончался в скромной квартире с пианино в проезде Художественного театра. С ним прощались в эти самые дни в маленьком зале тогдашнего Дома композиторов (подвал на Миусской). За его гробом шло не так много людей... Причины той малой «публичности» хорошо известны. В те дни было много похорон. Не забыть, как пос-

ле радиопанихиды по Сталину с Красной площади, которую вся наша школа (№ 37 в Труженниковом переулке) отстояла в тяжелом молчании в холодном, помнится, вестибюле, наш класс отправился на Даниловское кладбище хоронить Алешу Вавилова (мы все уверены были, что он станет знаменитым физиком), раздавленного на Трубной той страшной людской лавиной, что устремлялась к Колонному залу, ища выхода скорбному беспокойству за будущее страны и свое будущее, казавшееся от этой страны неотделимым. Мы были детьми. И вот один из нас, худой и посиневший, казалось, продолжал дрожать от холода и усталости, намеченности и еще чего-то невысказанного, недосказанного, необозначенного. Цветов не было — несколько хилых веточек мимозы, цветы которой тоже казались синими. Наверное, так же хоронили Сергея Прокофьева.

Великий русский композитор Сергей Прокофьев умер в один день со Сталиным. Каких только совпадений не бывает в жизни. Иные из них символичны действительно, в иных мы ищем символику сами. В недавно изданной очень хорошей книге новых материалов о жизни Прокофьева в хронографе сказано: «Кончина С. С. Прокофьева (5.3) в день смерти И. В. Сталина».

Нет! В свой день, определенный ему судьбой и его неповторимой, преисполненной испытаниями жизнью. Что знал он в этой своей жизни? Знал цену индивидуальной красоте — во всем! Знал серебряные зовы вдохновения. Знал, ощущал в себе, нес, изживал в стихиях своей музыки и снова творил чистую прокофьевскую избыточную энергию, искавшую для себя художественные соразмерности и находившую ее в бесконечном

Снимок из архива «Известий». Сергей Сергеевич Прокофьев и Лина Ивановна Прокофьева.

рое алмазных структур, с их непонятной точностью и живою силой. Каждое его сочинение — действительность, личный документ из вечного времени, которое вдруг прошло перед нами и оказалось нашим временем. Это больше, чем документ эстетики своего времени или до боли знакомого реального быта. Наивность, антиамбициозность, гордая свобода сливались в Прокофьеве в некую абсолютную самодостаточность. И все это существовало в том звуковом пространстве, которое оставляло место всем и каждому, но четко и точно резонировало прокофьевскому голосу, как равному среди первых.

В дневнике Прокофьева за 1927 год, недавно опубликованном, есть запись от 5 марта: «В «Жизни искусства» против меня выпад: почему я наконец не открою своего лица и не скажу прямо о моем ис-

тинном отношении к советской власти». В ответ на готовность композитора выступить с ответным письмом на этот выпад Мейерхольд заметил Прокофьеву: «Не стоит впутываться в эти мелочи. Сохраняйте олимпийское молчание»...

В олимпийском молчании, собственно, и протекает жизнь искусства. В этой формуле, которой художники не всегда следуют или могут следовать, в самой мысли об олимпийском молчании выражена идея независимости художника от политики, его невмешательства в дела политики...

Музыка Сергея Прокофьева стала особой ветвью русской музыкальной традиции. Она вселяет в людей новую энергию для жизни в новых обстоятельствах, одаривая их новой молодостью, независимостью, достоинством, неизменно новым личным величием.